

Вернуть, но не вернуться

Рецензия на спектакль «Письмо: эмиграция души».

Может показаться неправдоподобным, что эта молодая женщина одновременно и поэт, и прозаик, и режиссер, и еще много чего... Но такова реальность, и чтобы убедиться в том, что все это правда, нужно посмотреть спектакль Веры Зубаревой «Письмо: эмиграция души». В собственном сценарии, написанном на основе своих же стихов, прозы, кинозарисовок, она воссоздала собственную историю эмиграции, которая как будто ничем не отличается от десятков подобных – рассказанных, прочитанных и даже исполненных. Но вот все дело в этом «почти». Потому что впервые на моей памяти эта история, воссозданная с помощью сцены и экрана, - не драматическая, не авантюристическая, не юмористическая, а ... поэтическая, хотя есть в ней и то, и другое, и третье, а кроме того, зоркий глаз, мастерство прозаика, образность поэта, динамика кинематографиста.

Вена ещё далека.
Автобус подъехал к дому.
Каждому – два глотка
Воздуху или рому
Из опухолевых фраз,
Растущих в том, характерном
Направлении для метастаз.
Автобус заводится в нервном
Стремленьи рвануть.
Сейчас!..

Вера уезжает из Одессы в Америку, а по дороге, как и для многих, были Вена, Рим, Венеция. Поэтическое, романтическое восприятие Вены (ну как же, Вена – это, прежде всего, вальс, раз-два-три, раз-два-три, раз....) приходит в противоречие с мелочным бытом («встретивший нас чиновник был одет хуже нас, эмигрантов, а мы-то думали: столько потерять, так встретите хотя бы нас по-праздничному»). А на смену быту приходит навеянная судьбами товарищей по эмиграции, схожая с библейской легенда о Нахуме, бредущем по песку, и его Енте.

- Конечно,- севшим голосом произносил Нахум, погружаясь по шею в песочную ванну, - конечно, привязанности никто не осуждает. Но возьми весь мой род. Весь мой род, говорю я Тебе, возьми. Где его корни, где его ветви? Вот они, вот они все,- кряхтел Нахум, с удовольствием вытягивая свои тощие веснушчатые руки из песка и показывая Господу вздувшиеся вены. - Вот они все тут. Видишь, как ветвятся и растекаются по мне!

А потом волшебная Италия с ее Римом, Венецией и вечным летом...

Где загорали вы? В Италии,
На склоне года, в ноябре,
В предместье Рима – в той дыре,

Что и названья не слышали вы,
Что и на карте не искали вы.
В такой невиданной мечтании
Я загорала в ноябре.

То же и в видеоряде: кадры полуразрушенной деревянной, но такой с детства знакомой лестницы любимого одесского дома, где хотя и ненадолго, но остался отец-друг («мы с ним, словно льдина, раскололись и оказались на разных берегах, а ведь мы с ним были и кровно, и душевно связаны»), сменяются то зданием знаменитой Венской оперы, то видом из окна, где поселили беженцев; а красавица Венеция с ее гондолами и дворцами – неярким январским пейзажем со снегом в Пенсильвании, про который восьмилетний сын спрашивает: «Мама, но если я ем клубнику, то почему зима?»

Но нет, велик соблазн пересказывать сценарий, но пересказывать стихи вообще бессмысленно. Однако именно стихи, именно поэтическая проза – так можно назвать монологи-письма, из которых состоит спектакль. Кому же эти письма? Возможно, отцу, скорее самой себе, потому что на самом деле это не письма, а воспоминания, но такие, что добираются до души зрителя, которому и самому-то есть что об этом рассказать, да только поэтического таланта не всегда достаёт – той субстанции, какой в полной мере обладает Вера Зубарева.

Венеция,
Ты будешь сниться всегда
Той, что смотрелась в твои каналы
И печалилась, что не оставила ни следа,
И о будущем ничего не знала.
Снись ей,
Как страннику снится кров,
Чтобы не шёл в бездуховном унынье.
Снись,
Вместо вытатуированных снов
На мозга исколотой половине,
Когда имя, написанное по латыни
Отчуждается от его родослов...
И когда шлагбаум опускается
Под стать гильотине -
Снись!

Долгий путь от той минуты, последней на родине, когда в одесской квартире стены уже разобраны, а чемоданы пузаты, но стены почему-то роднее чемоданов, - до того времени, когда Вера (или ее лирический герой, что почти одно и то же) начинает чувствовать, что ее новый, но снова привычный и милый сердцу дом, в чем-то вернувшийся из вчера, начинает прорастать корнями в американской земле – этот долгий путь можно назвать поэтической дорогой эмигранта или, если хотите, эмигрантской дорогой поэта.

Опасный аромат любви и скорби
Разлит по дому, и жуки-гиганты
Штурмуют окна замкнутой веранды,
Запаянной, с их точки зренья, колбы,
Откуда ты, должно быть, приходишь –
Второй судьбы искусственный зародыш.

Это – о спектакле. А теперь о его исполнителе – известной актрисе Камерного театра «Артистическая гостиная» Елене Строгановой. Елена, как и Вера – одесситка, но в данном случае, впрочем, как и во многих других, это не имеет особого значения. Значение имеет другое: совпадение вынужденной эмигрантской отдельности от того, к чему прикипела душа, и непростой путь к обретению прежнего душевного равновесия в непривычных почти во всем новых реалиях, где поначалу

Не дышит больше время на часах,
И бьются облака в стеклянной сфере...

И это совпадение, но, прежде всего, конечно, талант, который-то и позволяет актрисе чужую – нет, не чужую, - другую судьбу сделать своей, дает возможность зрителю пережить вместе с автором и исполнителем то, что и им ведомо.

Они – автор, актриса, композитор Вадим Зубарев, он же супруг – стремились добиться синтеза слова, видеоряда, музыки в спектакле, жанр которого ими определен как письмо, но который на самом деле является поэмой. Вера Зубарева – доктор филологических наук, преподаватель Пенсильванского университета, режиссер художественного фильма по пьесам Чехова, редактор литературного журнала «Гостиная», автор десятка с лишним книг на русском и английском языках (притом, что ее второй язык в Одессе был немецким), литературный критик.

И я спрашиваю у Веры:

- Когда какой-то факт в широком смысле этого слова начинает тревожить воображение, как вы определяете, в какой форме его воплотить: поэтической, прозаической, кинематографической? Какая литература вас подвигает на литературную критику?

- Наверное, я как скульптор: что-то требует своего выражения в дереве, что-то – в мраморе, что-то – в бронзе... Но сначала, как сказано, бывает все-таки слово, а уже оно рождает средство: что-то динамическое, необходимость посмотреть на образ в разных ракурсах – это кино. Мысль, образ, красота – это стихи. Но стремление выразить себя так, а не иначе, рождается спонтанно, интуитивно.

Что касается литературоведения, то в каждом случае мне интересна такая литература, в которой есть подтекст, будь то стихи или проза, но строка из книги должна дать толчок собственной мысли и работу – собственной душе. Это может быть и современная литература, и литература 18 и 19 веков, русская и зарубежная – ведь я как раз и преподаю сравнительное литературоведение.

- Вы опубликовали несколько книг, и, насколько мне известно, есть среди них - с интересными историями...

- Первая моя книга «Аура» была закончена еще в Одессе, к ней написала предисловие Белла Ахмадулина, чью поэзию и чье слово я очень ценю, но из-за моего отъезда в Америку там издание прекратилось, и книга через некоторое время была издана уже в Америке. Книга стихов «Трактат об ангелах» была издана несколько раз. Рисунки к ней сделал Эрнст Неизвестный. Последний раз ее издали в Швейцарии на русском и немецком языках. Один наш общий знакомый дал Э.Неизвестному почитать мою книгу, она ему понравилась, после чего мы с ним выбрали 50 рисунков для нового издания моей книги. В Цюрихе, где у меня есть друзья, существует издательство, которое специализируется на переводах классической русской поэзии. Моя книга была у них первой из современной русской поэзии. На немецкий язык ее замечательно перевела австрийская переводчица и поэт Кирстин Брайтенфельнер.

- Как вы считаете, удался ли спектакль? Елена Строганова – большой мастер художественного слова, великолепно читает стихи, но вам не приходила мысль читать их самой?

- Приходила. И я часто читаю их сама. Но когда твои стихи читает кто-то другой, и не просто читает, а пропускает через себя, появляется дополнительный импульс для творчества в театрально-драматической форме.

И тогда это новая грань, а душа моя стремится к новому постоянно.

Виталий Орлов